

Ф. З. КАНУНОВА

ОТ ФИЛОСОФИИ ПРАВСТВЕННОЙ К ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

(Роль Московского Благородного университетского
пансиона в становлении В. А. Жуковского)

Виднейшие современные исследователи Жуковского — А. С. Янушкевич, Р. В. Иезуитова, опираясь на труды Н. С. Тихонравова,¹ В. И. Резанова,² единодушно утверждают большую роль Московского Благородного университетского пансиона в формировании мировоззрения юного Жуковского. Общеизвестна огромная роль И. П. Тургенева и его сыновей в жизни Жуковского, в формировании коренных основ его мироотношения.

И. П. Тургенева Жуковский называл своим отцом: «И он друзей не рознил с сыновьями». Через И. П. Тургенева, А. А. Прокоповича-Антонского значительное влияние на Жуковского оказало позднее масонство. Личные контакты с ними Жуковского, их переписка подтверждают признание самим поэтом этого бесспорного влияния. На первый план здесь выступала программа морального самоусовершенствования личности. Пафос самопознания и самостроения в сочинении Лопухина «Некоторые черты внутренней церкви» и в переводе И. П. Тургенева книги Дж. Мейсона «Познание самого себя» (третье изд., 1800) хорошо известен Жуковскому. Влияние позднего масонства на юного поэта убедительно показал А. С. Янушкевич в специальном исследовании.³

¹ Тихонравов Н. С. О пребывании Жуковского в Университетском благородном пансионе // Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1893. Т. 3. С. 149—162.

² Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. СПб., 1906. Вып. 1. С. 15—38, 50—52 и др.

³ Янушкевич А. С. 1) В. А. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII—начала XIX в. М., 2000. С. 179—192; 2) Диалог И. В. Лопухина и Н. М. Карамзина («Духовный рыцарь» и «Рыцарь нашего времени») // Там же. С. 156—163.

Прокопович-Антонский, профессор естествознания Московского университета, неоднократно выбиравшийся в деканы физико-математического факультета, в своем представлении об идеале деятельной и нравственно-прекрасной человеческой личности опирался на взгляды Ф. Бэкона и Ж.-Ж. Руссо. В рассуждении «О воспитании» (эта работа была на руках каждого воспитанника пансиона) он писал: «Просвещение без чистой нравственности и утончение ума без образования сердца есть злейшая язва».

Большое внимание в Московском Благородном университетском пансионе уделялось философскому образованию, прежде всего нравственной философии. Пансионеры делали выписки из античных философов, Ф. Бэкона, М. Монтеня, Б. Паскаля, Х. Ф. Вейсе, Ж.-Ж. Руссо и др., которые позднее публиковались в альманахе «Каллиопа», издававшемся под руководством И. И. Давыдова, профессора истории и русской литературы на словесном отделении Московского университета, бывшего тогда инспектором пансиона.

В интеллектуальной и духовной атмосфере Московского Благородного университетского пансиона складывался национальный тип философствования, который можно охарактеризовать словами Н. Бердяева: «Мое философское мышление не наукообразно, не рационально-логическое, а интуитивно-жизненное, в основании его лежит (нравственно) духовный опыт». Для русских мыслителей был характерен особый способ познания жизни «отдельными наблюдениями», афоризмами, в отличие от «систематиков» («от Аристотеля и до Спинозы и Гегеля»).

Л. Толстой представлял другой тип мыслителя, к которому относил многих философов, французских моралистов с характерным для них афористическим способом мышления. В умственной атмосфере Толстого было особое пристрастие к философам второго типа, и прежде всего к Руссо.

Под руководством Давыдова ежегодно издавались материалы торжественных актов по случаю выпуска пансионеров — речи, разговоры и стихи, читанные в публичных актах Московского Благородного университетского пансиона, в которых на первый план выдвигались нравственно-философские темы. Это в высшей мере характерно и для Жуковского, в первых прозаических выступлениях которого неизменно ставилась проблема формирования культурного человека, его нравственного выбора.

Характеризуя эпоху рубежа XVIII—XIX вв., Ю. М. Лотман писал: «Основное культурное творчество этой эпохи проявилось в создании человеческого типа. Культурный человек начала XIX века — одно из самых замечательных и интересных явлений русской истории».⁴ И здесь самая главная проблема — проблема формирования мировоззрения как системы представлений о себе и мире.

⁴ Последнее интервью Ю. М. Лотмана // Известия. 1993. № 230.

Нравственно-философское направление в образовании пансионеров, огромное внимание к таким философским авторитетам, как Бэкон, Бонне, Кондильяк, Руссо, в чем-то главным определили характер научно-философского воспитания Жуковского. Материалы его библиотеки с убедительностью свидетельствуют о том, что именно пансионский период явился началом активного нравственно-философского самообразования Жуковского. Об этом свидетельствуют внимательно прочитанные Жуковским труды Бонне, Юма, Гердера, Кондильяка, Руссо. Остановимся более подробно на характере восприятия Жуковским Руссо в интересующем нас плане, женевское собрание сочинений которого (в двенадцати томах) содержится в личной библиотеке поэта и буквально испещрено пометами и маргиналиями читателя.⁵

Столь внимательное изучение знаменитого французского мыслителя и художника, просветителя и педагога было явлением весьма закономерным не только для Жуковского. Творчество Руссо оказало несравненное по силе и длительности влияние на русскую литературу и культуру.⁶ С середины XVIII и до 40-х гг. XIX в., как указывал еще В. В. Сиповский, имя Руссо не сходит со страниц русских журналов,⁷ его произведения с жадностью читаются и энергично переводятся на русский язык.

Колоссальное значение этого великого писателя заключается прежде всего в том, что в его творчестве поставлены кардинальные проблемы личности и общества. Руссо поднял нравственное достоинство человека на небывалую высоту. Он обогащает представление о человеке, утверждая в нравственном чувстве, в противоположность рационализму XVII и XVIII вв., не только специфическую духовную деятельность, наряду с умом и волей, но основу духовной жизни вообще.⁸

Это позволило Руссо по-новому подойти к такой важнейшей проблеме философии истории и одновременно этики, как проблема детерминированности и свободы действия отдельного индивида, что было одним из центральных вопросов на протяжении многих веков. По сравнению с механистическим материализмом XVIII в. и в полемике с ним Руссо пытается найти новое обоснование свободы.

⁵ Collection complète des J. J. Rousseau. V. 1—12. Genève, 1782. Ссылки на это издание в тексте.

⁶ См.: *Розанов М. Н.* Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII—начала XIX в. М., 1910. Т. 1; *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII—начала XIX в. // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 555—604; Ж.-Ж. Руссо: pro et contra: Идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752—1917). Антология / Составитель А. А. Златопольская. СПб., 2005.

⁷ *Сиповский В. В.* Очерки по истории русского романа. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. С. 638.

⁸ *Асмус В. Ф.* Жан-Жак Руссо. М., 1962. С. 11.

Свобода естественного нравственного чувства, не связанная непосредственно, по Руссо, с материальными условиями общества, — важнейший стимул общественной деятельности человека. Поскольку подлинный источник нравственного сознания, с точки зрения Руссо, в самом человеке, он придает колоссальное значение воспитанию личности, высвобождению в ней первобытной природной основы от наносного влияния собственнического мира. Его трактаты и особенно романы «Новая Элоиза», «Эмиль», «Исповедь» давали в этом отношении огромный материал. Т. е. к началу XIX в. (и на протяжении 1820—1830-х гг.), когда в процессе переоценки результатов Французской революции и просветительской идеологии с невероятной силой вновь выдвинулась проблема человека, нравственно-этический аспект руссоизма воспринимается русскими людьми с особенным интересом. Так относились к автору «Новой Элоизы» в тургеневском кружке, куда входил молодой Жуковский и где, по свидетельству В. М. Истрина, царил культ Руссо.⁹ «„Новую Элоизу“ здесь читали и перечитывали, ее содержание члены кружка применяли к самим себе...». Андрей Тургенев, ближайший друг Жуковского, записывает в дневнике: «„Новая Элоиза“ будет моим *code de morale* во всем — в любви, в добродетели, в должности, в общественной и частной жизни. <...> Руссо! Память твоя всегда останется пламенной в сердцах, которые ты разгорячил тихим огнем чувства и добродетели!.. буду ее перечитывать».¹⁰ Т. е. для Андрея Тургенева «Новая Элоиза» интересна прежде всего своей нравственно-этической стороной, как своеобразный учебник жизни («Учиться <...> мыслить и чувствовать»).

Увлекался «Новой Элоизой» и Ал. И. Тургенев. Так, в Геттингене 6 июня 1803 г. он записывает в своем дневнике: «Никогда я не проводил еще в Геттингене такого вечера! — вскричал я, покидая Элоизу. Пусть слова эти напомнят мне теперешнее состояние души моей, о Руссо, Руссо!.. Ты еще никогда не был для меня то, что ты теперь».¹¹ Или через месяц: «И опять об „Элоизе“, опять о Руссо!.. В Париже непременно познакомлюсь с Дефонтеном; попрошу его, чтоб он повел меня в тот дом, где он бывал с Руссо».¹²

Эта атмосфера поклонения Руссо, характерная для братьев Тургеневых, близких Жуковскому по своему мироощущению, захватила и молодого Жуковского, который много раз обращался к творчеству Руссо. Об этом свидетельствуют записи в дневниках, письма разных лет, творчество и замыслы отдельных переводов из Руссо. Однако

⁹ *Истрин В. М.* К биографии Жуковского (по материалам архива бр. Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Ч. 32. С. 205—237.

¹⁰ Архив бр. Тургеневых. СПб., 1911. Вып. II. С. 87.

¹¹ Там же. С. 236.

¹² Там же.

наиболее реальным и конкретным источником для суждения об отношении Жуковского к Руссо является, как указывалось, его библиотека, на исследовании которой мы вкратце остановимся.

Значительный интерес для нас представляют пометы Жуковского на трактате Руссо «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми». Жуковский читает трактат с большим вниманием. Более тридцати отчеркиваний и семнадцать записей на полях, в том числе и развернутые суждения. Внимательно прочел Жуковский не только сам трактат, но и примечания к нему, в которых содержатся пять интересных маргиналий.

Характер помет, активная читательская реакция свидетельствуют о том, что Жуковского преимущественно привлекают нравственно-этические и естественно-исторические аспекты выраженных Руссо идей. Вот почему больше всего замечаний относится к первой главе, содержащей много рассуждений о естественном человеке, его исконных свойствах, как они складывались в процессе эволюции. И совершенно без помет остается вторая глава, носящая социологический характер и содержащая в себе основу радикально-демократической концепции Руссо. Т.е. в центре внимания Жуковского отнюдь не политика, а антропологический и гносеологический аспекты поставленных Руссо проблем.

Руссо начинает предисловие к своему второму трактату мыслью о том, что наиболее полезным и наименее продвинувшимся из всех известных знаний человеческих представляется ему знание о человеке. Одну из надписей дельфийского храма — «Познай самого себя» — он считает более важной и глубокой, «чем все толстые книги моралистов».

Особенно заинтересовывает Жуковского начало первой главы, где речь идет о некоторых генетических и, следовательно, существенных чертах человека, отличающих его от животных. Вопросы нравственной и общественной сущности человека волновали Жуковского с юных лет. Как известно, уже в Московском Благородном университетском пансионе он произносит речь «О добродетели» и читает стихотворение «Добродетель». Эти интересы получают развитие в Дружеском литературном обществе. В произнесенных здесь речах о дружбе, о страстях и счастье проявляется прежде всего интерес к нравственным проблемам человека, окрепший под влиянием Руссо.

Центральная нравственная проблема, как ее назовет Жуковский, проблема добродетели приводит уже на заре его творчества к необходимости разобраться в сущности человека, в том, как в человеке соотносятся природное и духовное начала. Этими вопросами Жуковский наполняет свои дневники и письма. Так, постоянно, в период 1800—1810-х гг., размышляя о «деятельном состоянии своей души» и призывая себя к самоанализу («разбери себя»), молодой поэт вопрошает: «Каков я?.. что сделано обстоятельствами, что природою»

(запись 1805 г.¹³). В другой записи 1805 г. он отмечает: «Душа человеческая сперва образуется влиянием окружающих ее предметов, потом уже сама имеет на них влияние, то есть несколько времени бывает страдательною, потом делается действительною, получает постоянный твердый образ. Но и в своем положении она остается в зависимости от внешнего, хотя имеет уже свою силу и волю» (выделено нами. — Ф. К.).

То есть молодого Жуковского, начинающего поэта-романтика, волнуют прежде всего вопросы о природе человека, его внутреннего мира и такая кардинальная проблема гносеологии и этики, как соотношение свободы воли и необходимости в деятельности отдельного индивидуума. Под этим углом зрения Жуковский читал Бонне,¹⁴ Кондильяка,¹⁵ Юма, но важнейшим, наиболее ранним источником формирования антропологических и гносеологических основ его эстетики, по всей вероятности, явились произведения Руссо, интерес к которым во многом определялся влиянием Московского Благородного университетского пансиона.

Читая «Трактат о происхождении неравенства», Жуковский, несмотря на свою полемичность, во многом приближается к Руссо в решении им проблемы свободы и необходимости. При всей идеализации дикаря, якобы полностью подчиненного законам природы, Руссо пронизательно указывает на важнейшие черты человека, выделяющие его из мира животных уже в «естественном» состоянии. Животное, по Руссо, это «хитроумная машина», полностью управляемая природой, а человек наделен актом свободной воли; он, как пишет Руссо, — свободно действующее лицо. Разделяя эти мысли, Жуковский записывает: «Следовательно, специфическое отличие, выделяющее человека из всех других животных, составляет не столько разум, сколько его способность действовать свободно» (выделено нами. — Ф. К.).

Как уже указывалось, мысль о свободе выбора у человека как важнейшей суверенной его особенности волновала Жуковского всегда. Об этом говорит его чтение «Созерцания природы» Ш. Бонне и философии XVIII в. (в «Лицее» Ж.-Ф. Лагарпа). Читая последнего, Жуковский двумя чертами с восклицательным знаком выделяет, например, следующую мысль: «Никаких сомнений не вызывает то, что здесь моральное побуждение, моя воля является свободной во мне, как я сам», и далее Жуковский подчеркивает: «поскольку она есть не что иное, как суждение, выбор мотивов, которым мне нравится следовать, и, конечно же, все зависит от меня <...> выбрал ли я хорошо или плохо».¹⁶ Интересно, что Карамзин в статье о первом

¹³ Жуковский В. А. Дневники. Пб., 1903. С. 12.

¹⁴ Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978. Т. 1. С. 331—346.

¹⁵ Там же. С. 346—372.

¹⁶ La Harpe J.-F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. De la philosophie du XVIII siècle. Paris, 1817. Т. 15. Р. 44 (выделено нами. — Ф. К.).

трактате Руссо, четко проводя нравственный водораздел между животным и человеком, пишет: «Все животные, кроме человека, подвержены уставу необходимости. Для них нет выбора, нет ни добра, ни зла».¹⁷

В основе декларируемой Руссо свободы личности лежит неистребимая в человеке свобода нравственного чувства, которое во многом возвышается над разумом. Именно в свободе нравственного чувства, по мысли Руссо, проявляется важнейшая характерологическая особенность человека — его духовность. «Как раз в сознании этой свободы, — читаем мы в трактате о происхождении неравенства, — проявляется более всего духовная природа человека». Жуковский подчеркивает эти слова, направленные против механистического материализма XVIII в.

Полемика Жуковского с материалистами XVIII в. имела, как нам представляется, значительный нравственно-философский смысл. Созерцательный и во многом механистический материализм абсолютизировал детерминизм личности, метафизически трактовал проблему воли и необходимости. Он не давал научной основы для решения вопроса об оценке человеческого поведения. Нравственный фатализм философов XVIII в. противоречил требованиям прогрессивного развития истории.

Этому решительно противостоял Руссо, который пытался найти новое обоснование нравственной свободы человека, не связанной непосредственно с материальными условиями общества. Свобода «естественного» нравственного чувства — важнейший для Руссо стимул общественной деятельности человека. Нравственно-этический аспект руссоизма, как указывалось, был в значительной мере близок и Карамзину, и Жуковскому.

Первооткрыватель романтизма в русской литературе, Жуковский, как показывают его письма, дневники, художественное творчество, восставал против нравственного фатализма, считая вслед за Руссо первоочередной обязанностью любого человека сознательную и активную нравственную направленность в его жизнедеятельности. В этом Жуковский был близок Карамзину, его активной просветительской позиции. Еще в письме к Лафатеру, стремясь разгадать загадку человека, его деятельности, Карамзин ставит вопрос о свободе воли и необходимости: «Я захочу, и воля моя исполняется, но как она исполняется».¹⁸ Пройдет некоторое время, и Карамзин по-своему придет к Руссо, во многом определив характер его просветительства.

Это еще в большей мере свойственно Жуковскому. Критикуя механистическое понимание личности французскими материалистами

¹⁷ Аглая. 1796. Кн. 1. С. 68.

¹⁸ Переписка Карамзина с Лафатером. 1786—1790 // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 471.

с идеалистических позиций, Жуковский в ряде вопросов приближается к диалектическому пониманию человека как существа не только материального, но и духовного, не только детерминированного, но и активного, обладающего свободой нравственного выбора, а тем самым и способного к нравственной саморегуляции и усовершенствованию и, следовательно, нравственно ответственного перед собой и другими людьми, но в то же время внутренне противоречивого.

Этой выработанной им в первые десятилетия XIX в. концепцией «внутреннего человека» и самопознания Жуковский во многом был обязан урокам позднего московского масонства, полученным в Московском Благородном университетском пансионе.

Вторым важнейшим аспектом влияния идей пансиона явились история и исторические знания в самообразовании Жуковского. Он органично шел от философии нравственной к философии истории. Огромное влияние на формирование концепции истории у Жуковского оказал (наряду с Н. М. Карамзиным) А. И. Тургенев, близкий друг Жуковского на протяжении всей его жизни, человек духовно и идейно родственный Жуковскому. А. И. Тургенев обладал прекрасной для своего времени исторической подготовкой, полученной в Геттингенском университете под руководством А. Л. Шлецера, А. Г. Л. Герена, И. Г. Эйхгорна и других выдающихся историков того времени. Говоря о них с восторгом, Тургенев видел значение их трудов прежде всего в широкой источниковедческой культуре и методологической смелости, в стремлении этих ученых философски осмыслять закономерности истории — причины и следствия исторических событий.

В Геттингене Тургенев почерпнул у таких историков, как Шлецер и Герен, убежденный просветительский взгляд на историю как на политический, нравственный опыт человечества, служащий прогрессивному развитию общества. Доверяя авторитету Тургенева-историка, Жуковский с любовью в своих к нему письмах называл его Мюллером (в честь известного швейцарского историка Иоганна Мюллера). В свою очередь Тургенев, высоко ценивший поэтический дар Жуковского, радовался явно возросшему интересу поэта к истории. В письмах к Тургеньеву Жуковский настойчиво говорит об огромном значении истории для литературы, о своем решительном стремлении заниматься ею систематично и глубоко. «Для литератора и поэта история необходимее всякой другой науки», потому прежде всего, что она помогает «приобрести философический взгляд на происшествие в связи». «История из всех наук самая важная, ибо в ней заключена лучшая философия, то есть практическая, следовательно, полезная» (с. 75).¹⁹ С другой стороны, история, по мнению Жуковского, не только «поясняет связи» и расширяет понятия,

¹⁹ Здесь и далее указаны страницы по кн.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеньеву. М., 1895.

но и «предохраняет от излишней мечтательности, обращая ум на существенное».

Уже с начала 1800-х гг. Жуковского, с его сентиментально-романтическим мышлением и своеобразным просветительством, в истории волновал прежде всего *моральный смысл* происходящего и внутренне связанных между собой (волею Творца, Провидения) событий. «Читая историю в этом отношении <...> увидишь и средства, каким образом можно исправить то, что испорчено воспитанием, дополнить недоконченное, воспользоваться выгодным, уничтожить вредное» (с. 59). И далее очень характерное для Жуковского резюме: «Эта мысль (которая может служить точкою соединения всех наблюдений), признаюсь, восхищает меня» (с. 59).

Примерно в то же время, в августе—сентябре 1810 г., Жуковский с восторгом говорит А. И. Тургеневу о прочитанных им письмах И. Мюллера к его другу К. В. Бонштеттену. Считая, что эти письма «должны быть катехизисом того человека, который хочет посвятить себя наукам», он пишет: «Я почти дочитал их, но увидел, что буду еще перечитывать и что никогда перечитывать не устану» (с. 69). А в другом письме еще более ясная оценка: «Прекрасная, единственная в своем роде книга» (с. 68). В «Вестнике Европы» Жуковский напечатал свой перевод нескольких писем Мюллера, показавшихся ему особенно замечательными. Об этом он сообщает Тургеневу 12 сентября 1810 г.: «Письма Мюллеровы, и именно те, которые посвящены тебе в моих мыслях, переведены мною <...>. Они переведены хорошо, ибо я переводил их с истинным удовольствием» (с. 57—58). Здесь поднимался целый ряд нравственно-исторических, историко-политических проблем, которые были очень близки Жуковскому. Жуковский, нужно полагать, не случайно перевел именно эти письма, считая их превосходными.

Исторические интересы Жуковского органически сочетаются с настойчивым его стремлением в область нравственной философии и морали. Обращаясь к Тургеневу, он объясняет: «Две науки: моральная философия и история будут идти у меня рядом». Этим дорожи ему письма об истории Мюллера, для которого так же, как и для Мабли, история оказывается школой морали.

Огромное влияние на Жуковского-историка оказала «История Государства Российского» Карамзина. В бумагах Жуковского находим подробнейшие конспекты «Истории...» и два его собственных сочинения «Введение в Историю Государства Российского» и «Черты Истории Государства Российского». О внутренней связи Карамзина и Жуковского как историков я говорила специально.²⁰ Здесь же уместно сказать о том, что общее у них — пропаганда

²⁰ Канунова Ф. З. Карамзин и Жуковский. (Некоторые проблемы изучения русской истории по материалам библиотеки В. А. Жуковского) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. С. 130—138.

пути эволюционного нравственного развития России под эгидой просвещенного монарха.

Мне уже приходилось писать о том, что своеобразный карамзинцентризм исторической и историко-литературной концепции Жуковского объясняется тем, что он преклонялся перед нравственным подвигом Карамзина, впервые представившего русскому читателю те идеи жизнестроения, «самостоянья человека» и самовоспитания, тот пафос нравственного восхождения, который определяет суть творчества крупнейших русских писателей от Жуковского и Пушкина до Толстого, Достоевского, Чехова и который впервые был заложен в Московском Благородном университетском пансионе, в его гуманистической атмосфере.